

4

~~V 48 5~~
~~17~~

БУЛАНЬ

И. А. Аксенов.

Николай Асеев.

Сергей Буданцев.

Рюрик Ивнев.

Александр Кусиков.

Бенедикт Лившиц.

Борис Пастернак.

Григорий Петников.

Велемир Хлебников.

1920 г.

БУЛАНЬ

И. А. Аксёнов.

Николай Асеев.

Сергей Буданцев.

Рюрик Ивнев.

Александр Кусиков.

Бенедикт Лившиц.

Борис Пастернак.

Григорий Петников.

Велемир Хлебников.

1920 г.

БИБЛИ ТЕКА
Государ. Историч. Музея
№.....17816.....
31 а VIII 193/2.

Т е м п в а л ь с а.

Давно мои чувства разграблены
 (Кажется и твои),
Но не трещины, а царапины
 По нашим сердцам прошли.
А тучи, теплы и быстры,
 Не закрывают звездную рябь,
Комнате, занавес пестрый
 Распустившей, парус—корабль.
В ней вином о края графина
 Шелестит налетевшая грусть,
И искали слова не слышно,
 Первых разомкнувшихся губ.
Но не слова, не зова, не ласки,
 Не полупризнанья, не лжи
Мы ждали, потому что внятно
 Нам колокольчики всех дорог цвели
И их лиловые, и их кривые,
 Завивающиеся лепестки—
Волны, волны слезной стихии,
 Не нашей: времени любви
Пусть за стеклами, по асфальтовой
 Палубе, жемчужную пыльцу секунд

И. А. Аксенов.

Осыпает дождь, и каждой
Каплей новый зеленый лист раздут—
Мы, не плача, из тех же лоций
Пролетаем туман—тропой,
Мыслью к мысли, локоть с локтем,
Плечо о плечо, о щеку щекой,
Расцветать при весенних росах,
Позабыв о нас, о себе,
На взошедших дуговых колесах.
В горящем из туч серпе.

30 апреля 1920 г.

Довольно быстро.

В дни горячего гама,
В годы горбатых боев,
Челюстей, стиснутых упрямо,
Запрокинутых на отлет голов,
Что звенит мне, что лучится на зорях,
В плачущей обо всех росе,
Чей вздох вобрал все
Криви, все прыжки истории?
И Леды плечем круглясь,
Облаков далекие лебеди,
Кем посланы в тихо вошедшем небе,
Опустить свою тень на нас?
Нет, никто не обманывает, даже
Если б и мог обмануть:
Никогда не расплескивался глаже
Предо мной горизонтов путь,
Никогда безпощадней клича,
Не сходила к нам Дева-Месть,
Никогда воронью добыча
Не умела пышней расцвести!
Но кровавые крылья, пеной
Уплыли в закат с глаз,
И колокол о старые стены,
Заводит бесконечный рассказ.

Начало ушло за мерю,
За срубы скитских боров,
Только ветер по были мерит,
По прошлому пыли верит
И давним сказкам готов
Прививать новые повести:
Как дороги люди те,
Кто в печи, раскаленной до чиста,
Нежны, как дождь на листе,
Весной распускающейся зелени,
Говорят: цвести цветам,
Костром не закатной прелести
И звенеть у шпилей стридам.

20 апреля 1920 г.

Из поэмы „Война“.

Вдоль по небу выкован Данте,
И взору вовеки не сбросить
На марша глухое *andante*
Одеж его красную проседь.

Глухое, знакомое, имя
Глухое, звенящее слово,
Там, где кругозор не изломан,
Все крючьями рвите кривыми,

И в свивах растерзанных линий
Запела щемящая давка,
Как тысяча струнных румыний
Сердец, повернувшихся навкось.

То сердца томителем промах,
То сердце, отпрянувши, ухнет,
А сколько отпущено грома
В замок запираемой кухни!

Николай Асеев.

Полков почерневшая копоть
Обвешала горные тропы,
Им любо, им бешено топать
В обмерзшие уши Европы.

Упали осенние травы
Пугливого конского храпа.
И ранена Русская Рава,
Качает разбитою лапой.

Если мне для каждой встречи
Нужен сытый новым час,
Если я, как серый кречет,
Злюсь, скучая и крича, —

Если я кругами шел от
Прели теплых вечеров,
И, крутясь, впивался в холод
Клюв мой, рвущий кровь и кров.

То в год революций нет никого.
Вместе летевшего в быстри дней,
Кроме Григория Петникова,
Кого бы я встретил искренней.

Сергей Буданцев.

Любовь в Керманшахе.

Б. М. Г—ис.

Поцелуями схвачены пальцы и локти,
Близость прищипала слепа и остра.
Тенью на небе, вся в плаче и клекоте,
С вечера бросилась страсть.

Влагой по платью бьется и пенится
Кружевом кружится,
вьется,
мечется.

Не знаю.
Не помню.
Застынь как изменница.
Никни как пленница.
Сгинь!
Изувечься!

На небе красное — ответ и шали.
Лохмотья отброшенных взглядов далече
Со стен по ковру проползали и зажали
Горло зажженные свечи.

И плечи.

Сергей Буданцев.

Белые плечи
В холоде, в ужасе
Упали как мертвые нервы.

Ты ли, запутавшись в них не закружишься?
Я закружился не первый.

На этих мгновеньях я распят и вздыблен,
Распластан и вытянут час, как Голгофа.
Края твоих глаз, как две черные гибели
Для моих омертвелых шагов.

Белей холодеет росистая кожа,
Костенеют и пальцы,
И локти.
Горы и зной, и вечер похожи
На хрипы в орлином клетоте.

Сентябрь 1917
Керманшах
(Персия).

Охота за миром.

Солнц — звезд — дней — ламп —
Золотой поход.

Если я, — то взлетать орлам
Под лучами моих охот.

За миром охота. Мечу мишень
Карим выстрелом глаз,
И ложится расстрелянный день
К стенке ночи, с угла.

И ложится на строчку, в стихи,
Как павший друг,
Под гул революций смертей стихий —
Отплывший — нашествий — разрух.

Россия — Урал — Сибирь — Иран —
На город нижу города.
Мятежами исхлестанных губерний и стран
Топорщится череда.

Сергей Буданцев.

Гонимые чувства сопутствуют мне,
И за стаями слов
Улюлю кают, травят трубы огней
Убегающий посвист веков.

Огонь и погоня, и опять огонь,
Поход огней
Шуршащей алой кривой ногой
В зрачки моих карих дней.

Июль 1920
Москва.

А л ь - Б а р р а к,

Александру Кусикову.

Крылами звякни. Искрой взвейся,
Из-под подков, из-под копыт
Падет и вспыхнет по — над весью
Почин отчаянной тропы.

От Москвы, от России огулом
Мятежами и громом миры
Заражает' гул за аулом,
За вершиной, за сном у горы.

И ширяет над облачной ширью
Над Кавказскою рябью разгром, —
Это струны твои раскрошили
Ледники и хребты серебром.

И не выюга, а шерсть овечья
Ураганом бьет на стихи, —
Это с пастбищ, с нагорий, с увечья,
Со снегов, со друзей, со стихий, —

Сергей Буданцев.

Это с дней, это тари к гитаре
Муэдзин заклинает романс.
Злые годы тебе поквитали
Старый счет за пыган, за грома.

И Аль-Баррак крылами грянул,
Копытом грянул в камни, в дым,
Взлетев над родиною рдяной
К седым уступам, к дням седым.

Июль 1929
Москва.

П е т е р б у р г.

О, как мне горестно, мой город не живой
Мой Петр! Мой Петр! Я будто на чужбине.
Сквозь здешний Кремль я вижу: над Невой
Плывет дымок, чуть розовый, чуть синий.

Я слышу сосен скрип. Сосна к сосне
Склоняется. О, время! О, движение!
- Гранитный шум я слышу, как во сне,
И мудрых волн спокойное течение.

О, град мой! О, Петр, верни, верни,
Верни мой дом, верни мое наследство!
Любви моей мучительные дни,
Любви моей мучительное детство.

28 апреля. Москва.

Рюрик Ивнев.

Постигну ли чудесное смирение,
Как складки ветерка в лесной глуши.
Приму ли кровью вечное мученье.
И узких глаз холодное глумленье
Над наготой взволнованой души?

Но, Боже мой. как трудно мне, как тесно.
Дыханьем править, грудью шевелить,
Кривить душой в тюрьме моей телесной,
Ловить губами воздух пресный
И кожу влагою поить.

Декабрь 18 Москва.

Р у б а н я т.

(Из цикла «Посвящения».)

1.

Есть миг неувовимо гибкий,
Полосонет бесследно кнут....
Плывите золотые рыбки
Неперехваченных минут.

27.XII.19.

2.

В небе осень треугольником.—
Журавлиный клин тоски,
Сердце—куст без листьев, голенький.
Молоточками виски.

17.XI.19.

3.

Есть в миге пробудном ленивая нега,
Сладчайшая нега в ресничной пыли..
Занежность радости первого снега.
Бели, мое сердце, бели.

18.XI.19.

4.

Эта черная ночь, эта черная кошка,
Этот замысел черный, как кошка и ночь. —
А ведь надо „так мало“ — совсем немножко.“
Чтоб безлунную кошку в душе превозмочь.

21/III. 20.

5.

Топот тишины по стенам конницей.
Скалы скул оскалом из-за туч...
Мне бы только в крих, моей бессонницы.
Голубой иглой просунуть лунный луч.

25/XII. 19.

6.

Что ждет меня в нигде веков—не знаю.
Иль Аль-Хотама, иль Твой Сад —не знаю.
Пророк с крестом не убивал я—знаю,
С мечем Пророк не раз казнил —я знаю.

18/XII. 19

7.

Я силюсь тоской напряженной.
Упалое солнце поднять...
Трепещет в душе обнаженной
Желтый лист догорелого дня.

26/III. 20

8.

Печаль моих достижений
Подчас милей произнесенных строк.—
Священное самосожжение
В бессильном пламени тревог.

26/III. 29.

9.

Незримый ключ души моей,
О, разомкни мне Двери,—
Хочу увидеть тайну дней,
Чтобы себе поверить.

26/III. 29.

Александр Кусиков.

Кони Безногие.

Отзвук ночи— и звон зари,
Полусон переломанных лилий,
С неба ссыпались звезд газыри,
В дали кони безногие плыли.

Липкий взгляд сквозь ресничный пробуд
В высь арканом: „О, стойте кони!“...
Но безногие в дали плывут,
Их никто, никто не нагонит.

1920.

Адмиралтейство.

I.

„Благословение даю вам“ —
Простерши узкие крыла,
Откинув голову, ты клювом
Златым за тучу отошла.
И — вековое фарисейство! —
Под вялый плеск речной волны,
К земле крыла адмиралтейства
Штандартами пригвождены.
Но кто хранит в гнезде стеклянном
Скорлупу малого яйца,
Издалека следя за рьяным
Плесканьем каждого птенца?
И если ты не здесь, на берегу, —
Над Балтикою замерла,
Кто остановит в легком беге
Птенцов безумных вымисла?

II.

Речным потворствуя просторам,
Окликнут с двух концов Невой,
Не мог не быть и стал жонглером
И фокусником зодчий твой.

Бенедикт Лившиц.

Угасшей истины обида
Глубоко в руслах залегла:
Уже на перебор Эвклида
Твои расплавлены крыла,
И два равнопрекрасных шара
Слепой остаривают куб,
Да гении по-птичьи яро
Блюдут паличника уступ.
И разве посягнет лунатик
Иль пятый в облаке солдат
На воинохранимый аттик,
Навеки внедренный в закат,
Когда вдали, где зреет пена,
Где снов Петровых колыбель, —
Единственна и неизменна
Иглы арктическая цель?

Новая Голландия.

И молнии Петровой дройки,
И троссы напряженных рук,
И в остро-пахнущей рогожке
О землю пленнувшийся тюк.
Заморские почуяв грузы
И тропиками охмелев,
Как раскрывался у медузы
Новоголландской арки зев.
Но слишком беглы—очерк суден
И чужеземных флагов шелк,
Пред всей страною безрассуден
Петром оставленный ей дол.
Окно в Европу! проработав
Свой скудный век, ты заперто
И въезд торжественный Ламотов,
Провал, ведущий нас в ничто.
Кому ж грозить возмездьем скорым
И отверзать кому врата,
Коль торг идет родных просторов
И смерти именем Христа?

Два стихотворения из Фаустова цикла

I.

Разрывая кусты на себе, как сенок,
Маргаритиных стиснутых губ лиловых.
Горячей, чем глазной Маргариты белой,
Бился, щелкал, царил и царил соловей.

Он как запах от трав исходит: он как ртуть
Очумелых дождей меж черемух висел.
Он кору одурял, затыкаясь, ко рту
Подстунал, оставаясь висет на косе.

И когда, изумленной рукой проводя
По глазам, Маргарита влеклась к серебру,
То казалось, под каской ветвей и доской
Повалилась без сна амазонка в бору.

И затылок с рукою—в руке у него,
А другую назад загнула, где лег,
Где застрял, где повис ее ищем теплотой,
Разрывая кусты на себе, как сенок.

II.

Мефистофель.

Из массы ныли за заставы
По воскресеньям высынали.
Меж тем, как дома не застав их,
Доминись ливни в окна спален.
Велось у всех, чтоб за обедом
Хотя б на третье дождь был подан,
Меж тем, как вихрь велосипедом
Кружил по комнатным обоям.
Меж тем, как там до потолков их
Влетали щелковые шторы,
Расталкивали бестолковых
Пруды, природы и просторы.
Длиннейшим поездом линеек
Позднее стягивались к валу,
Где тень, пугавшая коней их,
Ежевечерне оживала.
В чулках как кровь, при паре бантов,
По залитой зарей дороге.
Унав, как лямки с барабана,
Пилили дьяволы ноги.

Борис Пастернак.

Казалось, захлестав из низкой
Листвы струей высокомерья,
Снесла б весь мир надменность диска
И терпит только эти перья.
Считая схавших, как вехи,
Едва прикладываясь к шляпе,
Он шел, откидываясь в смехе,
Шагал, приятеля облапя.

Поле песен.

На вышней темной тополи
Запутав ветра бег,
Вскипел синейшей обилью
Любимец буйных нег-

Разоблачить улыбчивое племя
В затонах потонувших трав
Одра золоторыжей новы,
Где дремлют ярые утра.

О, пусть по складу даровитых зорь
Зальется багрецами злато,
И пусть дремляный и единый бор
Тысячесердной вскинет радой

И пусть черезполосиц след
Забьется в изумрудных рудах—
Пора порушенной земли
Свершилась в хлебородных гудах

Григорий Петников.

И ветры ржаных запесов
Взнесли осеняющий путь—
Это туга и тяга засево
Взбороздила живой лепоту

И тронув струны тростниковых уст
По устью солнечных артерий—
Сольется берегами грусть,
Таемный дых речных имений.

Ветвь летнего ветра.

Как летний раскинулся ветер
На гор закипевших стадах,
Как встали повстанцами недра,
Как пела ручьями вода.

Что в быльях поволями встали
Ее сребролистые тучи,
Что взоры в речные дали
Толпой голубою кочуют —

В талях воздушно немых,
В пророслях росных купин
Дух окрылен голубых
Ростом певучих глубин.

Р а й н а

Ближе держась к ветру
Райной, повернутой вкось
Знаки печали внедрит
Твой верблюженек сосновый

Тот же отрешенный порядом
Ценный устав на заре,
Мачтовый строится город
Высю, прозрачной сестрою
Воздуха сонная одурь
Долгим серпом высинсет
Свесок небесных морей—

Глотая бортами дремучую воду
И помня обычаи проснувшийся лавачи
Нечертишь в гравирове блеснувшего года
Резцами помолний лазурную затишь,
И за стаей восходов плывущих
С былинного тяжкого моря
В просиневшую пущу

Взмахнувши ветвями зари
Я в цвету, я пою,
Я певчее яблони плесо
В серебряный лес облаков,
Облетевших цветов
Роняю снега мари
То летней грозы наливается жаркий
В высянях поспевающий гром.

Сыновеем ночей синева,
Веет во все любимое,
И кто то томительно звал,
Про горести вечера думая.

Это было, когда золотые
Три звезды загорелись на лодках
И когда одинокая туя
Над могилою раскинула ветку.

Это было, когда великаны
Закрывались алой чалмой,
И моряны порыв беззаконный,
Он прекрасен, не знал по чему.

Это было, когда рыбаки
Запевали слова Одиссея,
И на вале морском вдалеке
Крыло подымалось косое.

1920.

